

УДК 94(47)

**СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО БЫТА РУССКИХ
КРЕСТЬЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА****Казанцева Г.А., Перова Т.В.***ФГБОУ «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Н. Новгород, e-mail: kazantsga@yandex.ru, perova_tatyana83@mail.ru*

В статье рассматриваются обычно-правовые отношения русских крестьян второй половины XIX века, выражавшиеся в символах-знаках, символах-действиях и символах-словесных формулах. Крестьянский мир второй половины XIX века, по существу, изолированный от правового пространства гражданских правоотношений, урегулированных государством, оказался terra incognita для исследователей XIX века.

Ключевые слова: обычай, обычное право, крестьянство, волостной суд, символические элементы**SYMBOLIC ELEMENTS LEGAL TRADITIONS OF RUSSIAN PEASANTS
IN SECOND HALF XIX CENTURY****Kazantseva G.A., Perova T.V.***Minin university, Nizhny Novgorod, e-mail: kazantsga@yandex.ru, perova_tatyana83@mail.ru*

The article deals with the customarylegal relations of the Russian peasants of the second half of the XIX century, expressed in symbols-signs, symbols-actions and symbols-verbal formulas. The peasant world of the second half of the XIX century, essentially isolated from the legal framework of civil law relations, regulated by the state, has turned out to be terra incognita for contemporary researchers.

Keywords: custom, customary law, the peasantry, the volost court, symbolic elements

Многоукладность Российской империи во второй половине XIX века включала не только многоукладность экономики, социальной жизни, но и многоукладность права. В правовой системе сосуществовали во главе с государственным, «позитивным» правом, элементы обычного права: «...на основе обычного права крестьян построены целые институты вещного, семейственного и наследственного права, обычным правом регулируется жизнь общины, семейного союза и определяется порядок наследования...» [4].

Обычное право русских крестьян сочетало в себе устное, письменное и символически-знаковое. Устность изложения предполагала наличие определенной модели поведения, базировавшейся на представлении о «правде-справедливости», носителями которого, по-видимому, являлись все крестьяне. Доказательством служит практика выборов волостных судей, введенная законодательно после отмены крепостного права. Судьей волостного суда, мог быть крестьянин не моложе 35 лет, домохозяин, пользовавшийся уважением своих односельчан, не имеющий недоимок и желательного грамотный. Должность волостного судьи являлась выборной, по одному кандидату от каждого сельского общества. Законодатель допускал применение местных обычаев в деятельности сельских сходов и волостных судов [7]. Следует подчеркнуть, что выбирая волостного судью, общество не

устраивало кандидату экзамена на знание местных обычаев.

Письменные акты русских крестьян отличались от официальных не только по форме, они имели специфическое содержание, не известное официальному праву Российской империи, отражая правоотношения, характерные для крестьян именно данной местности. Например, крестьяне заключали письменные соглашения, по которым сторона А передавала свое имущество и усадьбу взамен на обязательство стороны Б содержать до смерти и достойно похоронить сторону А [4]. Другой вид письменной сделки так же специфичен: это договор о передаче имущества будущим тестем будущему зятю, если бракосочетание состоится [4]. Сделки под таким условием официальное право не признавало, однако реализация такой сделки могла служить единственным способом обеспечения старости крестьянина, не имевшего в наследниках сына. Таким образом, особенностью крестьянских обычаев можно назвать существование «домашнего» делопроизводства, акты которого признаваемы были волостным судом в качестве доказательств.

Еще одной особенностью обычного крестьянского права можно назвать применение различных символов для закрепления практически любого акта. Символы носили универсальный характер. К ним можно отнести символы-действия, символы словесные (выраженные в, условно говоря,

юридических формулах, клятвах, «божбе»), и символы-знаки. Часть таких элементов можно назвать исчезающими, так как они не применялись в чистом виде, а упоминание о некоторых из них просто единичны. Устные символические элементы активно смешивались с письменными способами закрепления сделок. Часть из них записывалась в волостных книгах, часть оформлялась при свидетелях просто грамотными людьми, как правило, священниками [4].

Среди символов-действий, сопровождавших сделки, чаще всего упоминаются рукобитие, передача вещи «из полы в полу» и могарыч. Эта триада наличествовала в каждой значительной для крестьянина сделке. Первым этапом сделки, например, купли-продажи лошади, становился осмотр животного, при котором в обязанности продаваемой стороны входило расхваливание товара. Обязанность выявления недостатков лежала на стороне покупателя. В ходе осмотра происходил торг о стоимости товара, а так же сумме могарыча, выставяемого покупателем или продавцом. Если стороны приходили к согласию по обоим вопросам, происходило, как правило, рукобитие [4]. Рукобитие следует отличать от рукопожатия, первое требовало свидетеля, который и разбивал рукопожатие, фиксируя, таким образом, согласие сторон, а так же собственным присутствием и действием придавая сделке законный характер. На базаре в качестве такого свидетеля мог привлекаться становой пристав. При купле-продаже лошади требовалось удостоверение сделки, становой фиксировал приметы животного, данные продавца и покупателя, а так же дату сделки в определенном актовом журнале. При купле-продаже лошади удостоверение станового являлось обязательным и носило характер регистрации средства передвижения. После рукобития в некоторых местностях копыта лошади обмывали чаем и водкой. После этой процедуры крестьяне совершали молитву в сторону церкви, если сделка происходила на улице, или молились на иконы, если сделка совершалась в доме [4]. Следующий этап – символическая передача лошади за поводья «из полы в полу». Поводья передавались из повернутой в полу кафтан (шубы) правой руки продавца в правую руку покупателя, так же повернутую в правую полу кафтана [4]. После этой процедуры происходило расписание в кабаке могарыча, как правило, от полуведра до ведра водки. В Ковернинском уезде Костромской губернии бытовало и рукобитие, и подписание письменного договора, которое сопровождалось передачей лошади за узду «из полы в полу», а завершалось

все «чаепитием и водкой» [6]. Если на один и тот же товар находилось несколько покупателей и все давали одинаковую цену, то тянули жребий. Проигравшим платилось отступное от 20 коп до двух рублей. Сделка считалась состоявшейся только после того, как лошадь фактически переводилась из двора продавца во двор покупателя, а деньги за нее полностью передавались продавцу. Несколько другую картину рукобития/рукопожатия рисовал корреспондент при сделке на базаре. Речь, по-видимому, шла о мелкой сделке. Крестьяне, торгуясь, ударяли по рукам, каждый раз называя новую цену, при установлении подходящей для обеих сторон цены, ударяли по рукам, произнося «ну, грех пополам», снимали шапки и крестились. По-видимому, такое рукобитие никто не разбивал [6].

К символическим действиям можно отнести разнообразные и многочисленные жесты, предназначенные для огласки среди односельчан, жесты, носившие репутационный характер. В Трудах комиссии по преобразованию волостных судов приводятся примеры «нелепых» обычаев, к которым отнесли следующий: в волостной суд обратился крестьянин А. с требованием обязать крестьянина Б. вернуть долг. Крестьянин Б. долг признал, но денег для уплаты не имел. Крестьянин А. согласился простить долг крестьянину Б., но потребовал в знак компенсации отрезать хвост у лошади, принадлежавшей крестьянину Б. [4]. В данном случае отрезание лошадиного хвоста носило позорящий характер. Кроме этого, животное, подвергнувшееся такому действию, страдало от кровососущих насекомых и могло погибнуть. Такая форма компенсации носила синтетический характер: указывала на репутацию хозяина и одновременно могла нанести ему имущественный вред.

Доказательство собственности с помощью земли – один из древнейших символов-жестов, и среди источников, изученных авторами, он встречается один раз. Корреспондент из Ветлужского уезда Костромской волости Кузнецов Яков Иосифович в ответе № 111 писал: «При споре о земле крестьяне целуют икону через детей, клянутся всеми святыми, проклинают себя, своих детей и свою скотину, ставят ощепок лучины в сутки. В Хмелевицкой волости в бесполезных спорах берут ком дерна и с ним обходят спорное место. На это редкие выступают: существует твердое убеждение в народе, что, кто неправильно обойдет с этим дерном межу, тот непременно исчахнет и умрет» [6]. Показательно, что такие языческие виды клятв сохранились до конца XIX века.

Мы уже приступили к следующему виду символов – словесным формулам, которые вполне можно назвать юридическими формулами в обычном праве. В отличие от пословиц, которым исследователи придают юридическое значение, таких, как «Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло», юридические формулы либо выражали определенный правовой принцип обычного права: «глядя по человеку», «грех пополам», либо четко отражали определенные правовые отношения: «чур, мое», «чур, пополам» «сестра при братьях не наследница», «мать при сыне не вотчинница».

Прежде всего, необходимо проанализировать практику, выраженную в формуле «грех пополам». За двумя словами скрывалось следующее правило: при отсутствии сомнений в обоснованности иска и отсутствии доказательств с обеих сторон убытки делятся поровну. Причем, значительную роль в применении принципа играет репутация истца или ответчика. Если истец предъявляет иск, не подтвержденный никакими доказательствами, решающим фактором становится его положительная репутация, истцу присуждают половинную сумму иска. Если же у ответчика репутация не достаточно чистая, и у истца нет доказательств, с ответчика так же берется половинная сумма недоказанного долга [4]. Но приведенный выше фрагмент из «Материалов этнографического бюро», где крестьяне называли «грехом пополам» совершенно иную жизненную ситуацию, которую с правовой точки зрения можно трактовать как сделку и без прибыли, и без убытка, то есть куплю-продажу за стоимость, удовлетворяющую обе стороны, по совести, без обмана. Таким образом, формула «грех пополам» отражала, в широком смысле, все принципы обычного права: «глядя по человеку», стремление к примирению сторон, решение дела по совести и т.д.

Формулы «чур, мое» и «чур, пополам» известны каждому и сегодня и означают распределение найденного и признанного ничьим имущества. В изучаемое время находку следовало передать любому должностному лицу, либо старосте, либо отнести в волостную избю. По словам крестьян, внутри крестьянского мира такая формулировка уже не применялась по нескольким причинам. На каждой вещи ставились метки, речь о которых пойдет ниже. К тому же, крестьяне трепетно относились к собственной репутации среди соседей. Такое отношение поддерживалось довольно жесткими способами, например, публичной поркой провинившегося или «путешествием» вдоль деревни с краденым, во время

которого вор подвергался не только оскорблениям, но и избиению. Но вне собственного мира крестьяне вели себя несколько иначе. У крестьян Ветлужского уезда, нанимавшихся портовыми грузчиками на Волге, считалось одобряемым привезти домой, например, штуку украденного с судна ситца, и называлась эта кража находкой [5].

Формулы «сестра при братьях не наследница» и «мать при сыне не вотчинница» отражали в целом правовое положение женщины в среднерусской деревне XIX века. Женщину в принципе не считали «наживщицей», то есть способной сделать существенный вклад в благосостояние семьи, несмотря на то, что хозяйство попросту не могло существовать без женского труда. В «Трудах комиссии по преобразованию волостных судов» приводятся довольно многочисленные примеры семейных споров, когда мужья требовали возратить ушедших жен, мотивируя это единственной причиной – невозможностью вести хозяйство в одиночку [4]. Основными правовыми статусами русской женщины в деревне были статусы дочери, супруги и вдовы. Дочь считалась «отрезанным ломтем» и не имела право претендовать на «мужскую» часть наследства семьи. Она сама с помощью матери собирала и готовила себе приданое. Только на него и имела право, как в отцовском доме, так и в доме мужа, получив супружеский статус. Вдовы становились опекунами детей и имущества до совершеннолетия старшего сына, если же вдова оставалась бездетной, положение ее становилось самым незавидным. По обычаю, она имела право остаться в семье мужа, где ее положение в семейной иерархии становилось самым низким, уйти к родителям, если они ее примут из милости, или пойти в наем к посторонним людям. Ее собственностью в любом случае оставалось только приданое, состоявшее в основном из одежды. «Сестра при братьях не наследница» и «мать при сыне не вотчинница» оставались общепринятыми правилами, соблюдения которых требовало экономическое положение крестьянского хозяйства во второй половине XIX века [1].

Приступая к третьему роду символов – символам-знакам, необходимо дать их характеристику. К символам-знакам можно отнести все метки на всех хозяйственных принадлежностях, и метки эти определяли принадлежность вещи определенному домохозяйству. Подробное описание таких меток и их названий дал П.Я. Ефименко [2]. Крестьяне ставили различные знаки на животных и на предметах быта. Крестьянки отмечали, например, свои холсты особым узором, при жатве каждая делала

на снопе характерный залом, и т.д. Метки, в случае потери или кражи, служили доказательством собственности. Например, крестьянин опознал свою телегу по скрытой примете через пять лет после кражи [6]. Интересным видом символических знаков являются бирки, уже выходявшие из обихода во второй половине XIX в. Бирки употреблялись в случаях поклажи, передачи вещи на переделку (покраску, переработку и т.д.). Бирка представляла собой дощечку с нанесенными знаками, символизировавшими количество переданного (полученного) товара. Дощечку, после нанесения знаков, разрезали вдоль и половины оставались у сторон сделки. При изменении количества переданного (при возврате) соответствующее количество знаков срезалось с бирки. Переламывание бирки обозначало одностороннее прекращение договора и являлось так же позорящим действием [5]. С распространением практики письменных актов применение бирок стало редкостью уже в 80-х годах XIX века. Еще одним исчезающим видом юридических знаков являлись «знамена», т.е. метки, определявшие рубежи владения данного лица. Это были различного рода зарубки на деревьях. Так же к юридическим меткам можно отнести окашивание по периметру сенокосных угодий, опахивание заимки [3]. Такие юридические знаки сохранялись в Сибири, как минимум, до конца XIX века, несмотря на запреты и деятельность межевых ведомств.

Перечень приведенных в статье символов не является исчерпывающим. Материал для исследований дают опросы различных комиссий, действовавших во второй половине XIX века, в формулировках которых называются и жребии, и «грех пополам», и все перечисленные выше символы. При условии, что быт русских крестьян различных местностей довольно значительно различался, а изучение юридической стороны его началось довольно поздно, можно предположить, что на сегодня исследователям известны не все виды юридических символов, использовавшихся в крестьянском обиходе во второй половине XIX века.

Список литературы

1. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Выпуск первый. Обычное право. – М., 1884. – 398 с.
2. Ефименко П. Юридические знаки // Журнал министерства народного просвещения. – 1874. – С. 53–293.
3. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. – СПб., 1897. – 291 с.
4. Леонтьев А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. – СПб., 1914. – 371 с.
5. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки). Том 1. – СПб., 1877. – 447 с.
6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1 Костромская и Тверская губернии. // под рук. В.М. Грусмана – СПб.: Деловая полиграфия, 2004. – 568 с.
7. Свод законов Российской империи. Том IX. Особое приложение. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/208/28.html#img29> (дата обращения 01.10.2015).